

Роль интертекстуальности в формировании языка художественных произведений постсоветской эпохи. (на материале романа М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова»)

Никита Сергеевич Сафонов, Кафедра общего и славяно-русского языкознания, Волгоградский государственный педагогический университет,
safigo777@rambler.ru

Ключевые слова: интертекстуальность, художественное произведение, постмодернизм, постсоветская эпоха, фигуры речи (интертекст)

Key words: intertextuality, literary works, postmodernism, post-Soviet period, figures of speech (of intertext)

Определяющим для литературы последнего времени является неразрывность художественного мира создаваемого произведения и реальности. Это не обязательно проявляется в сюжете – нередко писатели-постмодернисты обращаются к жанру фантастики (чаще всего в форме антиутопии). Определяющим в этой связке является насущность, злободневность поднимаемой проблематики. Мир книги, его персонажи, фабула – всё это своеобразное отражение современной жизни. Именно поэтому чаще всего писатели конца XX – начала XXI вв. местом действия выбирают наши дни либо не столь отдаленное прошлое. Более того, важной особенностью данного литературного направления является автобиографизм, т.е. писатель отражает на страницах своего произведения не только реалии современной действительности, но и фрагменты своей собственной жизни. Как особый жанр автобиографизм существует давно, и особенностью последних десятилетий стала не только его массовость, но и стирание границ между автобиографией в чистом виде (фактически мемуарная проза) и художественной литературой. Процесс сближения происходит на абсолютно всех структурных уровнях текста и становится одним из проявлений языковой игры. Роман М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова» повествует о жизни автора преимущественно в 80е гг. прошлого столетия. Читатель встречает в романе фамилии реальных людей, упоминания о существовавших в то время местах и действительно происходивших событиях.

Постмодернизм, являющийся основным направлением современной литературы, немыслим без интертекстуальности. Результатом технологического прогресса последних десятилетий стало увеличение скорости получаемых нами знаний. Этот процесс открывал всё новые горизонты науки (в широком понимании этого слова), что привело к тому, что человек XXI в. смотрит на историю, на всё, что ему уже известно, свысока. С этим в том числе связана установка писателя на иронию. Но главным результатом возрастания объема получаемых знаний для литературного процесса стало включение в произведения множественных отсылок к явлениям прошлого. Таким образом, интертекстуальность явилась следствием изменившегося самосознания и мироощущения человека. В романе М. Веллера частотность фигур интертекста очень велика. Основным источником для фигур интертекста являются литературные произведения. «Исследуя интертекстуальность в литературе, мы... смотрим на то, что попало в текст, что увидят в нем читатели, и какие ассоциации эти включения могут вызвать. Изучая влияния, мы изучаем процесс создания произведений, изучая

интертекстуальность, мы рассматриваем следы этих влияний» (Арнольд, 1992, с. 53). Форма художественного произведения и языковые средства, используемые автором, могут быть соотнесены с формой и языковыми средствами множества других. Таким образом, прослеживаются интертекстуальные связи между ними. В романе «Ножик Сережи Довлатова» мы встречаем отсылки к трудам Геродота, цитаты писателей эпохи Просвещения, намеки на сцены из культовых фильмов. В качестве источников также выступают различные исторические лица и события. Таким образом, автор актуализирует широчайший пласт фоновых знаний. И для правильного прочтения читатель также должен обладать соответствующим объемом информации.

Ещё одной основополагающей особенностью литературы нашего времени является наличие иронии, сарказма и других проявлений юмора. В ироничном отношении к окружающему миру проявляется эпистемологическая неуверенность писателей-постмодернистов. Безусловно, данное явление характерно для всей эпохи в целом. Такой подход радикально меняет восприятие вещей: метафорически это можно назвать косвенным отрицанием. Следовательно, наиболее часто мишенью подобного юмора становятся стереотипы и догмы. И чем старше догма и устойчивее стереотип, тем больше на него обращают внимание постмодернисты. Проявления сарказма и иронии используются применительно к реалиям повседневной жизни. Так, ироническим мироощущением пропитан весь роман М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова». Реакция лирического героя на происходящие события, любой комментарий или замечание – это реализация данного приема. Например, фраза *Дали бы дожить, и стало спартамцам не до чужих бед, своих хватит* (Веллер, 2006, с. 40) отсылает нас к «Истории» Геродота, к эпизоду, где к молодому Киру II явились в поверженную Лидию послы Спарты с требованием не продолжать военных действий в отношении их союзников. Ответ был следующим: *Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных* (Геродот, электронный ресурс).

Наиболее частотной фигурой интертекста в романе М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова» является аллюзия. Аллюзия – «фигура интертекста, состоящая в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности. В соответствии со своим источником (литературный текст, историческое событие и т.д.) аллюзии подразделяются на литературные, библейские, мифологические (эти три вида аллюзий можно назвать текстовыми), исторические и бытовые» (Москвин, 2004, с. 27). В приведённом определении главным словом является «намёк». Автор не говорит о каком-либо «факте» прямо, он указывает на него, намекает, при помощи другого, имеющего прямое отношение к исходному. При этом важно учитывать не только чёткую связь исходного «факта» и средства отсылки, но и знания адресата. Аллюзия остаётся незамеченной, теряет смысл, если у слушателя или читателя ограниченный интеллектуальный запас, «скромная» эрудиция. Кроме логического анализа, глубина прочтения текста зависит и от эмоциональной тонкости человека (Лурия, 1998, с. 258).

Таким образом, успех коммуникации имеет двустороннюю зависимость, и можно сказать, что «за намёк как бы «отвечает» не столько намекающий, сколько тот, кто читает намёк» (Клюев, 2001, с. 217). Кроме этого, для верного понимания любых фигур интертекста читатель должен «осмыслить значения слов в контексте всего сообщения, т.е. приписать им смысл, заключающийся в контексте – узуальном (соседних словах) и ситуативном (кто их произносит и для чего)» (Михайлов, 2006, с. 116).

Основное количество «отсылок» – к произведениям литературы, что объясняется сферой профессиональной деятельности писателя. М. Веллер не ограничивает себя ни географическими, ни литературными рамками:

И в Париже, в Венсеннском лесу нет мне покоя! (Веллер, 2006, с. 16). В данном случае мы видим намёк на фразу Понтия Пилата из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: *И при луне мне нет покоя, – скрипнув зубами, сам себе сказал прокуратор* (Булгаков, 1988, с. 323).

Я попал в западню, как Винни-Пух в норе Кролика (Веллер, 2006, с. 26). Для описания затруднительного положения М. Веллер обращается к героям сказочного произведения А. Милна «Винни-Пух» (Милн, 2000, с. 75–78).

Несмотря на то, что исторических аллюзий по количеству значительно меньше, чем литературных, широта охваченных М. Веллером фактов также очень велика:

Одновременно лучшими были объявлены: Горенштейн, Максимов ... память слабеет, но кучка была могуча (Веллер, 2006, с. 40). Во второй половине XIX века в России существовало общество русских композиторов, которые выступали за народность, национальное направление в русской музыке. Они называли себя «Могучая кучка», Балакиревский кружок или «Новая русская музыкальная школа» (Музыкальный энциклопедический словарь, 1990, с. 348).

По приезде в Таллинн я был взят ею на abordаж с той жёсткой стремительностью, которую требовал от своей команды кэптэн Джон Морган (Веллер, 2006, с. 26). Знаменитый английский пират Морган, ставший впоследствии губернатором Ямайки, славился своей отвагой и жёсткостью.

В произведении есть ярко выраженное доминантное направление – геноцид евреев в СССР. К этой теме отнесён целый ряд аллюзий:

...он не проходил пятым пунктом... (Веллер, 2006, с. 27) – пятый пункт в паспорте гражданина СССР содержал информацию о национальности человека, во время репрессий для евреев становился приговором (Сарнов, 2005, с. 457–458);

- Он нерусский, – сдержанно напоминали в ЦК. У нас в русских газетах и так работает половина евреев. / - Так что мне теперь, в газовую камеру его отправить? (Веллер, 2006, с. 20). Газовые камеры являлись главным орудием массовых убийств евреев в фашистской Германии.

...правы, правы были в ЦК – лишь свилось тут сионистское гнездо из недодавленных в Києвах и Ташкентах... (Веллер, 2006, с. 28). Во время сталинских репрессий интеллигенты-евреи были обвинены в «антирусском космополитизме». Несколько сотен было арестовано, некоторые отправлены в Сибирь и расстреляны (Зуев, 2000, с. 269).

Для тебя, Веллер, Монголия за граница (Веллер, 2006, с. 23) – во время, описанное в произведении, евреям было практически невозможно выехать за границу (Сарнов, 2005, с. 460).

Эта особенность продиктована автобиографическим характером произведения М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова», т.к. указанные факты оказали непосредственное влияние на судьбу самого М. Веллера. И, несмотря на то, что данные упоминания связаны с событиями, которые крайне болезненно сказались на судьбе не только самого автора, лирического героя, но и огромного числа жителей страны, фигуры интертекста и в этих случаях наполнены различными оттенками юмора: иронией, насмешкой и т.д.

Библейские аллюзии используются М. Веллером существенно реже, чем литературные и исторические, но благодаря тому, что помимо фактической исторической отсылки они имеют философский оттенок, их присутствие всегда особенно выделяется.

... щёк на свете меньше, чем желающих врезать по ним дважды (Веллер, 2006, с. 59). Практически у любого читателя возникает ассоциация с библейским *кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и левую*, являющим собой формулу всепрощения, непротивления злу.

Ко мне вернулся мой камушек из пращи, да булдыган в лоб (Веллер, 2006, с. 23) – библейская аллюзия. В Ветхом Завете говорится о филистимлянском великане Голиафе, с которым вступил в противоборство юный герой Давид. Давид победил Голиафа, убив его камнем, брошенным из своей пращи. Иносказательно используется для характеристики противников, которые разительно отличаются друг от друга своими физическими и моральными качествами.

Бытовые аллюзии довольно сложно распознаются в тексте, поскольку основой для их построения являются наши фоновые знания об окружающем мире. Этот вид аллюзии очень близок к широкому пониманию интертекстуальности, при котором любая ранее известная информация определяется как интертекст. Мы придерживаемся узкого понимания интертекстуальности, а формальным признаком бытовой аллюзии считаем внешнее нарушение логической связи в тексте. Например:

Халтура – смерть. Но для книги требовалась прописка, а для прописки авторитетная работа. В детстве доктора говорили, что у меня повышенный рвотный рефлекс (Веллер, 2006, с. 18). Из собственного эмпирического опыта человеку известно, что одной из причин рвотного рефлекса является какой-то резко отталкивающий, неприятный раздражитель. Соответственно, повышенный рвотный рефлекс – чуткость к плохому, неприемлемому для организма. Есть также явный логический сбой между вторым и третьим предложением данной диктемы.

Аппликация – «приём, состоящий в использовании в качестве «строительных блоков» для текста: 1) устойчивых выражений (фразеологическая А.); 2) фрагментов текста без указания на источник (текстовая А.)» (Москвин, 2007, с. 138).

В качестве аппликаций у М. Веллера используются как отрывки из художественных произведений, так и поговорки, анекдоты.

Мы с вами одной крови (Веллер, 2006, с. 53). Источником является "Книга джунглей" Киплинга (Киплинг, 1982, с. 32).

Мельница господа Бога мелет медленно (Веллер, 2006, с. 21). Здесь мы видим один из вариантов эстонской народной пословицы (Эстонские пословицы, 1986, с. 50, 52, 106).

Ах, Джон, а ты совсем не изменился (Веллер, 2006, с. 9). Это финальная фраза популярного ковбойского анекдота (Анекдоты, электронный ресурс).

Оптимизм – наш долг, сказал государственный канцлер (Веллер, 2006, с. 19). Данная аппликация в оригинале выглядит следующим образом: "Optimismus ist Pflicht, sagt der Kanzler!" (Kestner, электронный ресурс).

Есть отсылки к религиозным текстам:

Кому повем мою печаль? (Веллер, 2006, с. 57) – фрагмент из духовного староверского песнопения – стиха благоразумного Иосифа Прекрасного: *Кому повем печаль мою, / Кого призову к рыданию, / Токмо Тебе, Владыко мой, / Известна тебе печаль моя, / Моему Творцу Создателю*, (Лествица, электронный ресурс).

Она запела со святыми упокой литературе, на что хотелось утешить: умерла – закопаем. (Веллер, 2006, с. 42) – аппликация православной обрядовой похоронной молитвы «Со святыми упокой» (Молитвослов, электронный ресурс).

В разнообразии источников аппликаций наиболее ярко проявилась широта жанрового диапазона – в текст «вкраплены» совершенно разные фрагменты: от пословиц и анекдотов до религиозных песнопений.

Парафраз – «приём, состоящий в изменении лексического состава какого-либо выражения или текста» (Москвин, 2007, с. 527).

Признаком, характеризующим парафраз, является изменение лишь ключевого элемента фразы, в то время как все другие композиционные элементы высказываний сохраняют вид первоисточника. Но если в структурном отношении выражения практически не изменяются, то семантический облик меняется существенно, чаще в ироническом ключе (Валгина, 2004, с. 153).

Когда мужик не Блюхера и не милорда глупого, а весь союз писателей по кочкам понесёт [Веллер, 2006, с. 45]. Это переработка известного четверостишия Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?»: *Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесёт?* (Некрасов, 1957, с. 53).

... *Танк, который гуляет сам по себе* (Веллер, 2006, с. 26). Парафраз относит нас к одному из самых известных произведений Киплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе» (Киплинг, 1989).

Хомо советикус (Веллер, 2006, с. 32). Образовано по аналогии с *homo sapiens* – человек разумный. Применяется к советскому человеку с оттенком иронии: «В Советском Союзе «выведена» невиданная доселе порода людей, которые одни только могли построить то, что построили... "хомо советикус"» (Толковый словарь современного русского языка, 2001, с. 832).

Человек звучал гордо (Веллер, 2006, с. 58). Как и предыдущий пример, представляет собой парафраз, достаточно близкий к литературной аллюзии. В данном случае разница между прецедентным текстом (пьеса М. Горького «На дне») и его вариантом в романе М. Веллера выглядит большей: *Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век!* (Горький, электронный ресурс). Однако, если сравнивать парафраз из «Ножика Серёжи Довлатова» с фразой, которая стала хрестоматийной в несколько измененном виде (человек – это звучит гордо), то данная фигура интертекста однозначно относится к парафразу.

Объединяющим аспектом для аппликации и парафраза является сатирическая окрашенность. В качестве источников также использованы отрывки из различных произведений мировой литературы, пословицы, анекдоты. Более редкое употребление парафраза по сравнению с аппликацией можно объяснить сложным механизмом формирования данной фигуры.

Наименее частотной фигурой интертекста в романе М. Веллера «Ножик Серёжи Довлатова» является **цитирование**. Цитата заключается в кавычки, при этом указывается источник заимствования.

Алексей Толстой: «Боцман задрал голову и проклял всё святое. Паруса упали» (Веллер, 2006, с. 14) – цитата взята из фантастического романа А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (Толстой, электронный ресурс). В данном примере присутствуют все атрибуты цитирования: есть как соответствующее оформление (заключенный в кавычки текст, использование двоеточия), так и указание автора цитаты.

«Так делают в Париже!» (Веллер, 2006, с. 56). Это восклицание мадам Бовари из одноимённого романа Гюстава Флобера представляется в значении последнего и неопровержимого аргумента в споре (Флобер, 1956, с. 226). В примере отсутствует указание источника заимствования. Однако заключение фразы в кавычки уже позволяет относить её к цитатам.

Роман М. Веллера «Ножик Серёжи Довлатова» является одним из ярчайших примеров литературы постмодернизма. В произведении отразились типичные черты данного направления: интертекстуальность, иронический тон повествования,

автобиографичность. Помимо этого оно являет собой малую прозаическую форму. Ограниченный объем произведения приводит к возрастанию роли фигур интертекста.

В романе использованы все виды фигур интертекста (в соответствии с выбранной нами классификацией): аллюзии, аппликации, парафразы, цитаты. В тексте они реализуются как по отдельности, так и в сочетании друг с другом. «Заимствования» основываются на богатом и разностороннем материале. М. Веллер не ограничивает себя ни географическими, ни литературными рамками. Фокусируя внимание читателя на конкретных, реально существующих местах, на известных личностях, автор описывает в романе события, используя бесконечно многообразное культурное наследие, которое нельзя свести к конкретной доминанте, объединяющей вокруг себя остальные, периферийные элементы. Благодаря фигурам интертекста, становится возможным тонкое соединение совершенно различных на первый взгляд фактов, дающее в итоге дополнительную эмоциональную окраску.

Постсоветская эпоха открыла новые возможности, консолидация которых воплощена в интертекстуальности: возможность иронизирования над ранее запретными темами, возможность апелляции к ранее неизвестным (либо подцензурным фактам), возможность выражения независимой точки зрения. Занимая ведущее место в создании художественного мира писателя, интертекстуальность позволяет мастеру слова чётко, объёмно и ярко представить читателю богатый и мультифункциональный мир русского слова, картину мира индивида и народа в целом, что наглядно демонстрируют такие произведения, как «Ножик Сережи Довлатова» М. Веллера.

Литература

- АНЕКДОТЫ [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: <http://www.geocities.com/SiliconValley/Hub/9033/ane3.html> (дата обращения: 22.01.2008).
- АРНОЛЬД И.В. Проблемы интертекстуальности // Вестник СПбУ. – СПб.: С-Петербург. гос. ун-т., 1992. – Сер.2. Вып. IV. – С. 53.
- БУЛГАКОВ М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Худож. лит., 1988. – 399 с.
- ВАЛГИНА Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
- ВЕЛЛЕР М. Не ножик не Серёжи не Довлатова. – М.: АСТ, 2006. – 320 с.
- ГЕРОДОТ История [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: <http://www.newacropol.ru/library/Gerodot/> (дата обращения: 22.01.2008).
- ГОРЬКИЙ М. На дне [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: <http://ilibrary.ru/text/505/p.4/index.html> (дата обращения: 22.01.2008).
- ЗУЕВ М.Н. История России: учебник для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2000. – 688 с.
- КИПЛИНГ Р. Маугли. – М.: Россия, 1982. – 128 с.
- КИПЛИНГ Р. Кошка, которая гуляла сама по себе. Сказки. – М.: Дет. лит., 1989. – 56 с.
- КЛЮЕВ Е.В. Риторика (Инвенция, Диспозиция, Элокуция). – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.
- ЛЕСТВИЦА [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: <http://www.lestvitsa.ru/texts/40/ctikh-blagorazumnogo-iosifa-prekrasnogo-komu-povem-pechal-mouy> (дата обращения: 22.01.2008).
- ЛУРИЯ А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 335 с.
- МИЛН А.А. Winnie Пух. Дом в Медвежьем Углу. – М.: Аграф, 2000. – 320 с.
- МИХАЙЛОВ Н.Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. – 224 с.
- МОЛИТВОСЛОВ: православные молитвы [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: <http://narmed.ru/articles/molitva/> (дата обращения: 22.01.2008).
- МОСКВИН В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 940 с.

- МОСКВИН В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.
- МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ / гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
- НЕКРАСОВ Н.А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. – М.: Дет. лит., 1957. – 256 с.
- САРНОВ Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Эксмо, 2005. – 767 с.
- ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 944 с.
- ТОЛСТОЙ А. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.01.2008. – URL: http://www.klassika.ru/read.html?proza/tolstoj_a/giperboloid.txt&page=41 (дата обращения: 26.01.2008).
- ФЛОБЕР Г. Собрание сочинений: в 5 т.. – М.: Правда, 1956. – Т. 1. – 356 с.
- ЭСТОНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ / под ред. Крикмана, И. Сарв. – Таллин: Ээсти Раамат, 1986. – 400 с.
- KESTNER E. Fabian [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2008. – URL: http://bookz.ru/authors/kestner-erih/fabian_germ.html (дата обращения: 22.01.2008).

Summary

One of the basic lines of the Post-Soviet literature is the attempt to comprehend the past. Change of epochs was reflected in the works of many writers of the end of the twentieth - the beginning of the twenty first centuries. In M.Veller's autobiographical novel "Nogik Seregi Dovlatova" the Soviet values are represented by means of intertextuality which in combination with irony creates new, individual, a sight at described time.